

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №3, Том 10 / 2019, No 3, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK319.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Димитриева О.А. Вербализация вакхических действий в детективах Бориса Акунина (серия «Приключения Эраста Фандорина») // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK319.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Dimitrieva O.A. (2019). Verbalization of Bacchic actions in Boris Akunin's detective stories (series "The Adventures of Erast Fandorin"). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK319.pdf> (in Russian)

УДК 811.161.1'42

ГРНТИ 16.21.33

Димитриева Ольга Альбертовна

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Россия
Научно-исследовательский институт этнопедагогике имени академика Российской академии образования Г.Н. Волкова
Старший научный сотрудник
Кандидат филологических наук
E-mail: olgaal_79@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=799746

Вербализация вакхических действий в детективах Бориса Акунина (серия «Приключения Эраста Фандорина»)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению индивидуально-авторской интерпретации ситуации винопития на примере исторического детектива Бориса Акунина, его серии романов «Приключения Эраста Фандорина». Автором представлен краткий обзор работ, посвященных изучению ситуации винопития: в рамках религиозно-мифологических, собственно языковых, дискурсивных и межкультурных исследований. Понятие концепт рассматривается, с одной стороны, как многослойное образование, в котором традиционно принято выделять понятийную, ценностную и образную составляющие; с другой стороны, художественный концепт включает в себя как универсальное, свойственное социуму понимание, так и индивидуально-авторскую интерпретацию, обусловленную мировоззрением, жизненным опытом автора, индивидуальностью восприятия. В данной статье акцентируется внимание на вакхическом образе человека, который создается через перцепцию его действий. Вакхические действия автор условно делит на три варианта: текущее, узуальное и такое, которое можно назвать привычкой/характеристикой человека. Текущее действие связано с линией времени, относится к плану настоящего, будущего или прошедшего, в некоторых случаях вакхическое действие является фоновой картинкой и вписывается в ряд характеристик человека, в других – открывает ряд динамического повествования, характеризующего ситуацию застолья. Узуальное действие охватывает более широкий временной диапазон, является либо своеобразным распорядком, либо объясняющим знаком поведения героя. При описании привычек/характеристик персонажа в целом воссоздается либо отрицательный образ с экспликацией его слабостей (это, как правило, склонность к спиртному), либо положительный образ с подчеркиванием неприятия спиртного и добросовестного отношения к работе. В

некоторых случаях отношение к спиртному может быть национально или профессионально маркировано. Автор приходит к выводу, что воссоздаваемый образ человека вакхического, его художественная интерпретация обусловлены авторским идиостилем.

Ключевые слова: Б. Акунин; художественный концепт; идиостиль; винопитие; вакхический дискурс; стереотип; национальный характер; языковая картина мира; культура питания

Вводные замечания

Работ, посвященных изучению ситуации *винопития* и ее языковому воплощению, достаточно много. Исследования проводятся на разном языковом материале, в них акцентируется внимание на том или ином ракурсе ситуации. Среди многообразия работ можно выделить следующие аспекты ее рассмотрения:

1. Самый древний пласт культуры, в котором спиртному отводится особая сакральная роль, – это **религиозно-мифологический**. В.Н. Топоров отмечает, что «в ряде культур <...> проводилось очень чёткое различие между О. н. <опьяняющими напитками> сакрального и возвышающего типа и О. н. <опьяняющими напитками> профанического типа, лишёнными благодатного действия» [1, с. 257]. Первое состояние ассоциировалось с безумием творческого начала, приобщением к божественному, второе – с безумием деструктивного плана, ведущим к тьме и «подавленности духа» [1, с. 257].

«Вино, – пишет В.В. Иванов, – древний мифологический символ плодородия и мифологический знак, отождествляемый с кровью человека» [2, с. 236]. Вино входит в христианский ритуал причастия и отождествляется с кровью Христа.

То, что спиртное включается в бытовой ритуал и обязывает при этом к совершению общепринятой последовательности действий, фиксируется в языке. Ритуализованные вакхические действия несут дополнительный смысл, имеют директивный характер. Иллюстративными в этом аспекте являются глаголы *обмыть*, *спрыснуть (сделку, пальто и т. п.)* [3].

2. Собственно языковой:

- на лексическом уровне: от исследования отдельных слов и выражений (например, *пьян, как земля* [4, с. 412–417]), *закуска* [5]), лексики застолья (*банкет, фуршет* и т. п.) [6], разных частей речи и фразеологизмов с семантикой употребления спиртных напитков [7; 8] до изучения сферы «Алкоголь» в речи диалектоносителя [9; 10]. Здесь также следует отметить работы сопоставительного плана, к примеру, особенности концептосферы «национальные напитки» в русском и английском языках [11]. Е.А. Юрина в образной (метафорической) парадигме слова *пить* приводит 49 образных слов и выражений [12, с. 434].

- на словообразовательном и грамматическом: многочисленная глагольная лексика русского языка с семантикой ‘употреблять спиртное’ позволяет рассматривать ее с точки зрения семантико-словообразовательных группировок (способов глагольного действия) [13]. Здесь становятся значимыми как внутренняя форма глагольного слова, семантика словообразовательного форманта, так и сочетаемостные, стилистические особенности (в т. ч. употребление глагола в аспектуальной ситуации). С точки зрения семантического синтаксиса рассматриваемая ситуация является «социально-физическим действием, минимальная модель которого <...> субъект – предикат физиологического действия – объект: человек поглощает алкоголь» [14, с. 126].

3. Интерпретация ситуации *винопития* как **концепта** – «культурно-ментально-языкового» образования (по Ю.С. Степанову) [15] влечет за собой различную номинацию

концепта: фрейм *выпивка/винопитие* [16], *питие* [17], *водка и пьянство* [15]. Т.С. Глушкова осмысливает фрейм *выпивка* как комплекс, состоящий из четырех субфреймов «Участники», «Напитки», «Социокультурная значимость», «Особенности употребления» (подробнее см. [16]). А.Г. Бойченко пишет, что концепт *питие* представляет собой многослойное образование и рассматривает его с точки зрения традиционно выделяемых трех уровней изучения концепта – номинативного, ценностного и образного [17]. Ю.С. Степанов изучает концепт *водка/пьянство* с точки зрения словарной интерпретации, далее внутреннюю форму слова, определяет эти два слова в одной «связке», указывает на универсальную черту «спрос на опьянение» в различных культурах и определяет культурно-специфические черты этой «связки» в русской культуре [15].

Изучение **художественного концепта** включает в себя рассмотрение индивидуально-авторского мировидения, представления и восприятия того или иного явления, выделение авторских черт образной интерпретации явления на фоне универсального обобщенного понимания, заключенного в стереотипах и социально маркированном мнении. Так, например, Е.В. Купчик пишет о положительном восприятии *вина* в поэтическом мире, ассоциированием его с праздником жизни [18], пиршеством и друзьями [17] в отличие от негативной ольфакторной оценки *вина* в художественном мире писателей-прозаиков XIX века [19]. Отмечается также современное представление о винопитии, ее оценка, бытование «вакхических» стереотипов на примере произведений массовой литературы [20].

4. А.В. Олянич подробно описывает понятия «**вакхическая лингвокультура**», «**вакхический дискурс**», «**концептосфера «Питие»**», представленные как «совокупность коммуникативных жанров и ритуальных действий, фиксирующих этнокультурный опыт поведения языковых личностей и социальных институтов применительно к производству и хранению спиртного, оценке качества, дегустации, застольным традициям, ритуалам и обычаям распития спиртных напитков» [21, с. 155]. Концептосфера «Питие» изучается как лингвосемиотическая система, в состав которой входят: «(1) питейные знаки, (2) знаки-локативы, (3) знаки-инструментативы, (4) знаки-персоналии, (5) знаки-квалификаторы, (6) дегустационные знаки» [21, с. 155; 22]. С этой точки зрения изучается ресторанный дискурс, например, в [23], а также гендерное преломление вакхического дискурса в художественном тексте [24].

Культура питья находит свое отражение в работах, связанных с **межкультурной коммуникацией**. С.Г. Тер-Минасова в своей книге «Война и мир языков и культур» пишет о том, как культура определяет поведение человека и вместе с тем является причиной непонимания, часто разочарования между представителями разных культур. Один западный менеджер потерпел фиаско, устраивая русским работникам ро-si-del-ki в пятницу вечером в день зарплаты с колой на столе и при этом ожидая душевной беседы [25, с. 217]. И.В. Павловский среди многочисленных иллюстраций ритуалов и обычаев питья в русской культуре и западной приводит пример о норвежце, который пришел потолковать о жите-бытье и принес бутылку водки, а в конце вечера после совместной трапезы унес недопитую бутылку с собой, что для нашей культуры в принципе неприемлемо [26, с. 236]. Ма Яньли, Г.Г. Слышкин рассматривают особенности употребления спиртного, ранжирование действий в застолье, сопровождение тостами, апеллирующими к жизненным ценностям, на фоне китайской культуры [27].

Таким образом, разноаспектное изучение ситуации *винопития* дает многочисленный материал для понимания общекультурных универсальных ценностей, этномаркированных стереотипов и убеждений, индивидуально-авторских представлений, что в целом создает вакхический «образ», вакхическую картину мира в той или иной культуре.

Цель и методика исследования

Предметом данного исследования является художественный концепт *винопитие*, а именно та часть образа человека, которая создается при описании ситуации *винопития*, в частности, изучаются вакхические действия, характеризующиеся с точки зрения индивидуально-авторской интерпретации. Материалом для работы послужили примеры, взятые из художественных произведений Бориса Акунина, а именно его исторического детективного цикла «Приключения Эраста Фандорина», методом сплошной выборки.

Под «вакхическим действием» мы будем понимать действие в широком смысле, связанное непосредственно с употреблением спиртного и вербализуемое посредством глагольного слова и других частей речи. Также включается широкий контекст, т. е. рассматривается как ближайшее окружение, так и возможное следствие, которое отражается на протяжении всего текста.

Рассмотрим вакхическое действие по отношению к темпоральной оси (как это принято в функциональной грамматике Петербургской школы, например, при выделении аспектуальных ситуаций употребления глагола – см. [28]) в трех вариантах: текущее действие (оно, как правило, локализовано на линии времени и соотносится с тем или иным временным планом – в настоящем, будущем или прошедшем); узуальное действие (оно не локализовано на линии времени и представляет собой регулярное проявление некоторого образца поведения); третье назовем – привычки и характерные черты, куда входит характеристика человека «вакхического» в целом. Ясно, что такое разделение носит условный характер: текущее действие может являться образцом, реализацией обычно происходящего действия, что в свою очередь складывается в типичное поведение и становится проявлением черт характера человека, его привычек.

Вакхические действия как составляющая образа «человека вакхического» по Борису Акунину

1. Текущее вакхическое действие может быть как (1) статическим фоновым действием, так и (2) динамическим событием, представленным последовательностью действий.

Приведем примеры: (1) *Иначе вели себя только двое – молчаливый Ахтырцев, беспрестанно тянувший из бокала шампанское, и гусарский офицер, цветущий мальчик с шальными, немного навывкате глазами и белозубо-черноусой улыбкой. Он, похоже, изрядно скучал и на Амалию Казимировну почти не смотрел, с пренебрежительной усмешкой разглядывая прочих гостей* (Азазель, с. 53)¹; *Слева – два богатеньких студента в компании залиvisto хохочущих модисток, справа – рыжебородый господин в клетчатом пиджаке. Сидит, смотрит на сцену, потягивает мозельское* (Смерть Ахиллеса, с. 85)²; *Из крестьян, несмотря на обещанное вознаграждение, идти в топь вызвался всего один – тощий дед с землистым лицом, в драном треухе. Антон Максимилианович пожал волонтеру руку и назвал его «представителем нового сознательного крестьянства», но при ближайшем рассмотрении представитель оказался не вполне трезв. Был он ужасно оборванный, но при этом в крепких брезентовых рукавицах и почему-то с пустым мешком на плече. Прихлёбывал из бутылки, временами пританцовывал на месте, напевая какие-то монотонные припевки* (Скарпея Баскаковых / Нефритовые четки, с. 188)³. Как видно из примеров, «статическое» вакхическое

¹ Акунин Б. Азазель [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2017. – 272 с.

² Акунин Б. Смерть Ахиллеса [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2014. – 364 с.

³ Акунин Б. Нефритовые четки [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2017. – 704 с.

действие органично входит в описание внешности, поведения или характеристики героя. В примере 1 приводится зарисовка двух героев – студента Ахтырцева и гусарского офицера: первый изображается через указание на его поведение (*молчаливый*) и действие (*беспрестанно тянул шампанское*), второй – вводится впервые, поэтому описывается подробно его внешность, далее дается характеристика его действий (*скучал и разглядывал гостей*). В примерах 2–3 также указывается внешний вид: одежда и/или яркая черта внешности (*посетитель ресторана рыжебородый, в клетчатом пиджаке; крестьянин оборванный; в брезентовых рукавицах, с пустым мешком*) и его состояние, расположение в пространстве, т. е. действие по сути не меняющее и не продвигающее далее героя, – это, как правило, взгляд со стороны, восприятие и презентация персонажа сторонним наблюдателем – другим персонажем, рассказчиком (*сидит, смотрит на сцену, потягивает мозельское (2); прихлёбывал из бутылки, временами пританцовывал на месте, напевая какие-то монотонные припевки (3)*). Итак, схематично зарисовку персонажа можно представить следующим образом: внешность (одежда/лицо и др.) / поведение + расположение в пространстве + вакхическое действие.

(2) *А студент, осушив полный бокал рейнского и потыкав вилкой в кровавый бифстек, продолжил: – Вы думаете, Пьер Кокорин от несчастной любви руки на себя наложил? Как бы не так! Это я его убил <...> Студент замолчал, повесив голову. Потом, встряхнувшись, налил бокал до краев и залпом выпил* (Азазель, с. 64–65); *У меня тут лошадка привязана, у этого (он пнул ногой недвижимое тело Пыжова) – дрожки. Домчим с ветерком. Обогреешься, хватанешь грогу и разъяснишь мне, что у вас здесь за шاپито такое творится* (Азазель, с. 168); *Полковник выпил залпом, сразу же налил еще. Заметил, жуя: – План, конечно, хорош* (Турецкий гамбит, с. 101)⁴. Ситуация динамического вакхического действия, как правило, характерна для ситуации застолья, в которой описывается последовательность совершаемых действий. В такую ситуацию входят глаголы с семантикой принятия пищи (*потыкать вилкой в бифстек; жевать*); употребления спиртного, представленного в виде сценария – последовательности однократных глаголов (*налить – выпить, осушить, хватануть*) и состояния (*обогреешься*), и речевые глаголы (*продолжить <говорить>; разъяснить; заметить*). Частотными глаголами являются *выпить*, сопровождаемый словами с семантикой ‘полностью’ (наречие *залпом*, прилагательное *полный <бокал, фужер>*), *осушить*; также *пить, выдуть, приложиться (прикладываться), отпить (отхлебнуть), пригубить* и др.

Ситуация *винопития* нередко становится мишенью для образной номинации [13] и осмысливается в ироническом ключе [7]. Приведем пример ее интерпретации через музыкальную терминологию: *Из Москвы в Петербург ехали двое не знакомых между собой мужчин, оба с кислыми физиономиями. Поначалу молчали. Потом один, постарше годами, вдруг посмотрел на попутчика и сказал: – Э, милостивый государь, вижу по вашему лицу, что и у вас на душе кошки скребут. Не угодно ли бодрящего напитку? Он открыл саквояж, где имелось уютное отделение для каждого предмета: туалетных принадлежностей, стаканчиков, щётчек, каких-то бутылочек, меж которыми отыскалась и фляжка коньяку. Сразу было видно, что человек это обстоятельный, аккуратный, привыкший к разъездам. Молодой охотно составил ему компанию. Первую выпили не закусывая (или, как выразился пожилой, «а капелла»), секундировали под лимончик, терцировали под шоколад, квадрировали под сигару, а там и фляга опустела. Захмелев не столько от количества выпитого, сколько от стремительности процесса, пожилой внезапно спросил...* (Одна десятая процента / Нефритовые четки, с. 215). Глагол *выпить* сочетается с деепричастием *не закусывая*, которое приравнивается выражению *а капелла* («без музыкального сопровождения»): здесь в фокус внимания попадает совершение действия без привычного для него сопровождения (в

⁴ Акунин Б. Турецкий гамбит [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2018. – 240 с.

сценарий действия, обозначаемого глаголом *выпить*, входит последующее за ним – *закусить*, как и сценарий действия *петь* включает сопровождение музыкой), в фон уходит сфера употребления (в данном случае музыкальная), происходит смена действия и предполагаемого объекта (*петь* → *пить*, *песня* → *коньяк*) и тем самым открывается «музыкальный» синонимический ряд наименования действия по порядку (используется музыкальная терминология для обозначения интервала *прима* – 1, *секунда* – 2, *терция* – 3, *кварта* – 4 и т. д.): *секундировали*, *терцировали*, *квадрировали* в сочетании с наименованием *закуски*: *под лимончик*, *под шоколад*, *под сигару*.

Итак, последовательность действий, характеризующих застолье в широком смысле, можно представить следующим образом: налить + пить + есть + говорить.

2. Узуальное вакхическое действие представлено двумя разновидностями: первое – условно назовем «распорядок дня», в который может входить более широкий диапазон времени, определенный период жизни персонажа, второе – «мотивированное поведение».

Рассмотрим примеры первой группы:

1) *Истинного виновника Фандорин искал как-то странно. По утрам, вырядившись в дурацкое полосатое трико, подолгу делал английскую гимнастику. Целыми днями лежал на походной кровати, изредка наведывался в оперативный отдел штаба, а вечером непременно сидел в клубе у журналистов. Курил сигары, читал книгу, не пьянея пил вино, в разговоры вступал неохотно. Никаких поручений не давал. Перед тем, как пожелать спокойной ночи, говорил только: «З-завтра вечером увидимся в клубе»* (Турецкий гамбит, с. 70).

2) *Ресторан «Альпийская роза» вообще-то считался заведением чинным, европейским. Во всяком случае, в дневное время. В завтрак и обед сюда приходили московские немцы, как торговые, так и служилые. Кушали свиную ногу с кислой капустой, пили настоящее баварское пиво, читали берлинские, венские и рижские газеты. Но к вечеру скучные пивохлебы отправлялись по домам – подвести баланс по учетным книгам, поужинать да засветло на перину, а в «Розу» начинала стекаться публика повеселей и пощедрей* (Смерть Ахиллеса, с. 82–83).

3) *Раньше Хасан привозил из Турции и Персии контрабандный товар, продавал перекупщикам. Теперь стал возить сам – в Екатеринодар, Ставрополь, Ростов, на нижегородскую ярмарку. Брали хорошо, потому что Хасан не дорожил. Он и покупатель били по рукам, обмывали сделку. Потом Ахимас догонял покупателя, убивал, а товар привозил обратно – до следующей продажи* (Смерть Ахиллеса, с. 225).

4) *Масленичные блины у князя – это традиция, – принялся объяснять Фандорин. – Ей больше двадцати лет. «Узкий круг» – это семьдесят-восемьдесят приближенных чиновников и почетных горожан с женами. Всю ночь сидят, едят, пьют, танцуют. Ничего интересного. Я всегда ретируюсь пораньше* (Статский советник, с. 173)⁵.

Приведенные примеры изображают времяпрепровождение героя/группы лиц в определенный период времени. Пример 1 показывает внешнюю, видимую для всех, деятельность Фандорина, в частности, его действия в клубе у журналистов: сюда входит его «вакхическое» умение – *пить вино не пьянея*, чтение книг, курить и мало говорить. В примере 2 изображен прием пищи (завтрак или обед) регулярных посетителей ресторана – московских немцев, описано их традиционное меню (*свиная нога с кислой капустой*) и традиционный напиток (*баварское пиво* – автор впоследствии их называет по этому признаку – *пивохлебы*), а также указывается их занятие во время приема пищи – чтение европейских газет. Последние

⁵ Акунин Б. Статский советник [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2012. – 352 с.

два примера указывают на традицию: (3) обмывать сделку, (4) проведение масленичной недели, куда обязательно включается спиртное. Пример 3 в отличие от 1, 2, 4, которые можно условно называть «действия посетителя общественного места» (сюда включаются действия *есть, пить, читать, говорить, + петь, танцевать* – если празднование), связан не со свободным временем, а вариантом работы и заработка для Ахимаса и его дяди Хасана, а традиция *обмыть сделку* используется для того, чтобы воспользоваться «ослабленным» состоянием покупателя.

Рассмотрим вторую группу примеров, в котором отношение к спиртному, выбор сорта является «знаком», эксплицирующим ту или иную сторону внутреннего мира человека:

1) *Фандорин-сан: <...> Скажите, профессор, был ли раджа ревностным слугой Пророка?» Свитчайлд-сэнсэй (подумав): «Не могу сказать точно... Мечетей он не строил, Аллаха в моем присутствии не поминал. Раджа любил одеваться по-европейски, курил кубинские сигары, читал французские романы... Ах да, за обедом он пил коньяк! Значит, не воспринимал религиозные запреты чересчур серьезно» («Левиафан», с. 108)⁶.*

2) *«Вот два бокала, – сказал Дож. – Обычно я водки не пью – больная печень, но после такой встряски нам обоим не помешает взбодриться. Держи» (Любовница смерти, с. 299)⁷.*

3) *– Быть куртизанкой наполовину невозможно, мадемуазель. Лучшие уж честные деловые отношения: работа в обмен на деньги. Или вы занимаетесь своим ремеслом ради удовольствия? Искорки потухли, широкий, чувственный рот покривился в горькой усмешке. – Какое там удовольствие... Закажите-ка мне шампанского. Я только шампанское пью, иначе в моем «ремесле» нельзя – сопьешься. А петь сегодня больше не буду. – Ванда подала знак официанту, и тот, видимо, зная ее привычки, принес бутылку «клик» (Смерть Ахиллеса, с. 288–289).*

За «мотивированным поведением», как видно из примеров, всегда стоит причина или вывод, обусловленный вакхическим действием. Здесь вопрос выбора питья спиртного, в том числе и сорта, зависит от установок, взглядов субъекта действия или принятого им решения: в примере 1 – это вопрос вероисповедания, во втором – здоровья, в 3 – принятого решения, обусловленного выбранным «ремеслом». Во всех трех случаях указано наименование спиртного как маркера выбора.

Итак, узуальные действия в целом акцентируют внимание на ряде регулярно (не) происходящих действий, создают типичный образец поведения героя, подчеркивают постоянство этих действий.

3. Вакхические привычки как черта характера в основном репрезентируются как взгляд со стороны, оценка стороннего наблюдателя, и эта оценка расположена на положительном или отрицательном полюсе аксиологической шкалы. Вакхические привычки осмысливаются как некая константа человека и поэтому в основной массе вербализуются не посредством глагола (хотя такой вариант не исключен), а словосочетания, основным компонентом которого является отвлеченное существительное в сочетании с оценочным прилагательным.

Рассмотрим следующие примеры, в которых оценка склонности к алкоголю осмысливается негативно, квалифицируются как слабость:

(1) *Однако вернемся к Мураду. Это был красивый, неглупый и даже весьма начитанный молодец, однако склонный к чрезмерным возлияниям и одержимый вполне*

⁶ Акунин Б. «Левиафан» [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2015. – 266 с.

⁷ Акунин Б. Любовница смерти [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2015. – 304 с.

оправданной манией преследования. Он с радостью верил мудрому Мидхату бразды правления, так что все у наших хитрецов шло по плану (Турецкий гамбит, с. 49).

(2) *Проблема одна – толковые напарники. Сколько серьёзных людей погорели из-за кретинов, которые не умеют держать язык за зубами и слишком много пьют (Долина мечты / Нефритовые четки, с. 374).*

(3) *Камердинер – старый, обрюзгший, с сердитыми седыми бровями (Ахимас знал всю его биографию, привычки и слабости, включая пагубную предрасположенность к утреннему похмелью) – недовольно покосился на фёрта в соломенной шляпе, но деликатность оценил и милостиво повернулся вполоборота (Смерть Ахиллеса, с. 294).*

(4) – *Меры по сохранению т-тайны приняты, ваше сиятельство, – стал докладывать Фандорин. – Все, кто был причастен к осмотру места преступления, предупреждены об ответственности, с них взята роспись в неразглашении. Обнаруживший тело дворник как лицо склонное к неумеренному питью и за себя не ручающееся временно помещен в особую к-камеру Жандармского управления (Декоратор / Особые поручения, с. 180)⁸.*

В примерах 1, 3, 4 питье спиртного соотносится с понятием нормы и через семантику качественного прилагательного (*чрезмерный, неумеренный*) и наречия (*слишком много*) – с количеством, причем большое количество связывается с отрицательным полюсом шкалы; в примере 2 эксплицируется этическая оценка (*пагубное*): *утреннее похмелье* относится к слабостям. Здесь также в одном ряду с отношением к спиртному стоят обусловленные этим отношением другие качества человека и негативные состояния – умение молчать (*держат язык за зубами; за себя не ручающееся* – о неразглашении информации) или состояние мания преследования.

В некоторых случаях выделение вакхических «способностей» может быть обусловлено национальной принадлежностью, в таких примерах мы имеем дело со стереотипными представлениями о других народах: – *Я не сыщик, но догадываюсь, что там произошло. Этот О’Лири, судя по фамилии, ирландец, а раз ирландец, значит, не дурак выпить (Чаепитие в Бристолле / Нефритовые четки, с. 233).*

Приведем другую группу примеров, в которой создается положительный образ человека через его неприятие спиртного:

(1) *Исправник проверил: с той позиции, на которую был поставлен Сапрыка, место происшествия действительно просматривается. Само собой, свидетельство какого-то Сапрыки немного стоит против слова такого блестящего молодого человека, но, с другой стороны, зачем бы егерю возводить напраслину? Мужик он немолодой, трезвого поведения и самых похвальных отзывов. Служит у генерал-губернатора в имении чуть не тридцать лет (Одна десятая процента / Нефритовые четки, с. 204).*

(2) – *Про сегодняшнее ваше дело узнали заблаговременно. Я и человечка своего послал – посмотреть, чего будет. Не заметили там? Такой в картузе, пьяным прикидывался. Он вообще-то трезвейшего поведения, в рот не берет, даже на пасху не разговляется. За то и держу (Смерть Ахиллеса, с. 362).*

(3) – *Почему эта деревня такая богатая, господин? – спросил Маса. – Потому что здесь никогда не было помещиков. Кроме того, приверженцы этой веры не пьют водки и много работают (Перед концом света / Нефритовые четки, с. 469); – Всякий партнёр знает, что у старовера слово твёрдое, а это в смысле того же кредита чрезвычайно полезно. Опять же приказчики и работники не пьют, не воруют. Я вообще пребываю в убеждении, что вся*

⁸ Акунин Б. Особые поручения / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2018. – 368 с.

Россия много бы выиграла, если б лицом в нашу сторону повернулась (Перед концом света / Нефритовые четки, с. 488).

Как видно из примеров, положительно человек оценивается, если не пьет спиртного, *трезвого* (элатив *трезвейшего*) поведения. В один ряд входит отношение к работе (*много работают, не воруют*) и взаимосвязь с вероисповеданием (пример 3).

Выводы

Основные выводы по вакхическим действиям можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

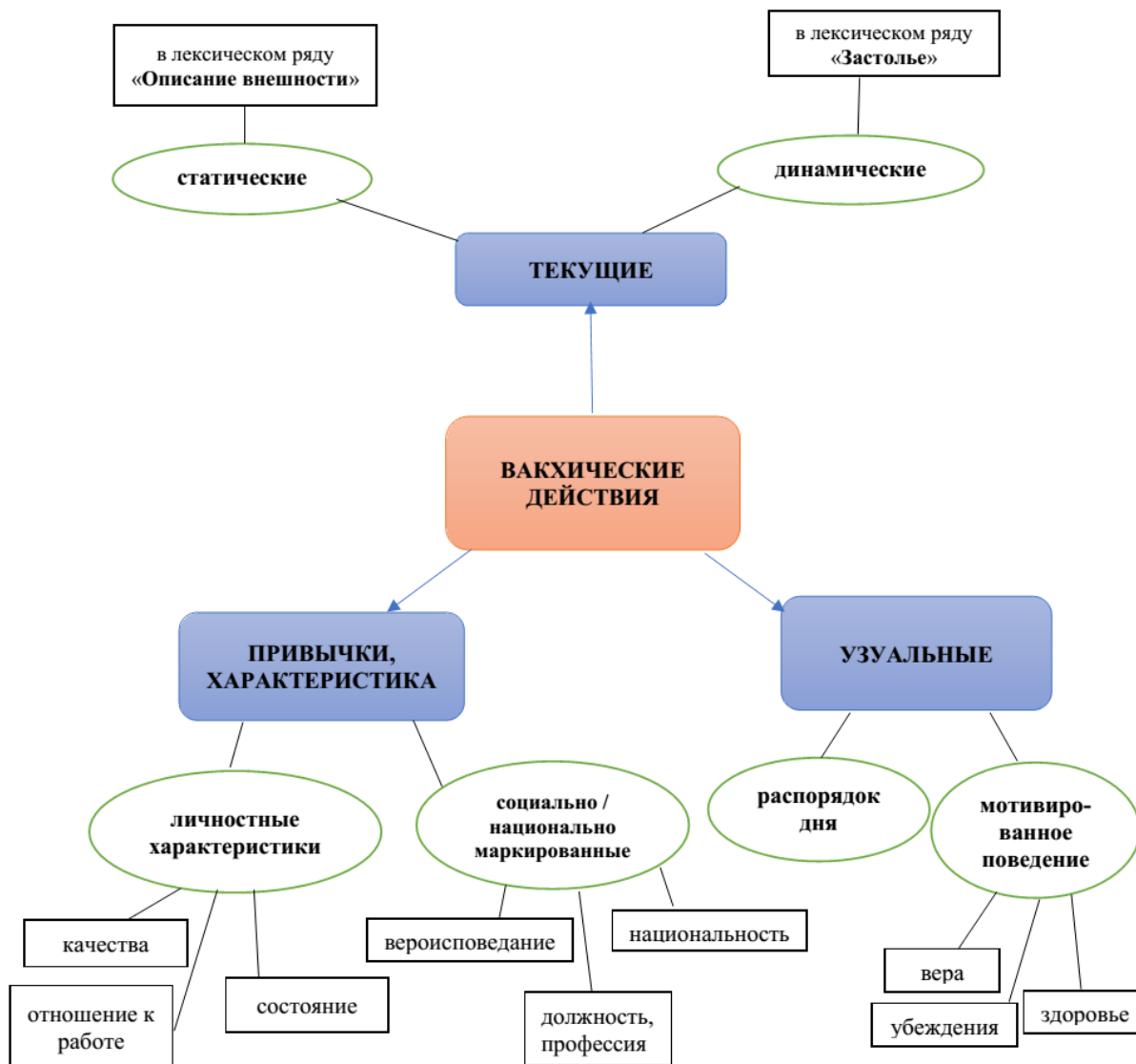

Рисунок 1. Основные выводы по вакхическим действиям

Вакхические действия можно условно представить как текущие, узуальные и привычки/характеристики личности, в каждой группе акцентируется внимание на том или ином аспекте проявления личности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров, В.Н. Опьяняющий напиток [Текст] / В.Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. – Том 2 (К–Я). – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 256–258.
2. Иванов, В.В. Вино [Текст] / В.В. Иванов // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. – Том 1 (А–К). – М.: Советская энциклопедия, 1991. – С. 236–237.
3. Димитриева, О.А. Традиции русского застолья: глаголы, обозначающие ритуализованные вакхические действия [Текст] / О.А. Димитриева // Научный диалог. – 2019. – № 3. – С. 54–68. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-54-68.
4. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. – Изд. 2-е, испр. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
5. Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Лексика начала и конца трапезы в русском языке [Текст] / И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002. – С. 573–583.
6. Чирич, И.В. Лексика застолья в русской языковой картине мира [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Чирич. – М., 2004. – 20 с.
7. Химик, В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен [Текст] / В.В. Химик. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 272 с.
8. Долгова, Е.Ю. Лексика и фразеология, связанная со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.Ю. Долгова. – Самара, 2009. – 22 с.
9. Устинова, Н.А. Диалектная концептуализация иномирия через призму одного из элементов пищевого кода [Текст] / Н.А. Устинова // Язык и культура. – 2011. – №4. – С. 69–77.
10. Белякова, С.М. Эстетическое освоение сферы «Алкоголь» в русских народных говорах [Текст] / С.М. Белякова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. – С. 244–253.
11. Козько, Н.А. Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.А. Козько. – Челябинск, 2006. – 24 с.
12. Юрина, Е.А. Концептуальная метафора поглощения жидкости в пищевом коде русской лингвокультуры [Текст] / Е.А. Юрина // Русистика. 2018. – Т. 16. – № 4. – С. 428–450.
13. Димитриева, О.А. Глаголы характеризованных способов действия с семантикой «есть» и «пить» в русской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.А. Димитриева. – Казань, 2016. – 22 с.
14. Тарасенко, Т.В. Семантическая ситуация как объект исследования [Текст] / Т.В. Тарасенко // Язык и социальная динамика. – 2013. – №13–1. – С. 124–132.
15. Степанов, Ю.С. Водка и пьянство [Текст] / Ю.С. Степанов // Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – С. 317–339.

16. Глушкова, Т.С. Винопитие [Текст] / Т.С. Глушкова // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 7. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 234–244.
17. Бойченко, А.Г. Питие [Текст] / А.Г. Бойченко // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Том 7. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 223–234.
18. Купчик, Е.В. Вино в русских поэтических текстах: метафорические модели / Е.В. Купчик [Текст] // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 342–351.
19. Зыховская, Н.Л. Ольфакторная составляющая концепта «вино» в русской прозаической традиции [Текст] / Н.Л. Зыховская // Челябинский гуманитарий. – 2015. – № 2 (31). – С. 61–69.
20. Димитриева, О.А. «Поэтика пьянства» в массовой литературе (на примере иронического детектива Дарьи Донцовой) [Текст] / О.А. Димитриева // Научный диалог. – 2018. – №11. – С. 22–36. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36.
21. Олянич, А.В. Вакхический дискурс [Текст] / А.В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – №2. – С. 155–157.
22. Реймер, Ю.В. Лингвосемиотика вакхической культуры в русском и немецком языках [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ю.В. Реймер. – Волгоград, 2011. – 21 с.
23. Козько, Н.А., Пожидаева, Е.В. Современный британский ресторанный дискурс: лингвокультура питания и питья [Текст] / Н.А. Козько, Е.В. Пожидаева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – №4. – С. 166–175.
24. Катермина, В.В., Прима, А.М. Гендерный вакхический дискурс (на материале рассказа «Женщина с точки зрения пьяницы» А.П. Чехова) [Текст] / В.В. Катермина, А.М. Прима // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Труды и материалы Международной конференции. В 2 томах / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартыанова, Г.А. Николаева. – Том 1. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2017. – С. 144–146.
25. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 334 с.
26. Павловский, И.В. Традиции питья в русской и нерусской культурах [Текст] / И.В. Павловский // Еда и культура [сборник статей]. – М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. – С. 233–243.
27. Ма Яньли, Слышкин, Г.Г. Застольный ритуал в современной китайской и русской городской культуре [Текст] / Ма Яньли, Г.Г. Слышкин // Социология города. – 2009. – № 2. – С. 10–20.
28. Русская грамматика: научные труды / РАН, Ин-т русск. языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 2005. – Том 1. – 784 с. – (Репринтное издание).

Dimitrieva Olga Albertovna

I. Yakovlev Chuvash state pedagogical university, Cheboksary, Russia
E-mail: olgaal_79@mail.ru

Verbalization of Bacchic actions in Boris Akunin's detective stories (series "The Adventures of Erast Fandorin")

Abstract. The article deals with individual author's interpretation of the situation of wine drinking on the example of historical detective of Boris Akunin, his series of novels "The Adventures of Erast Fandorin". The author presents a brief review of the works devoted to the study of the situation of wine drinking, especially religious and mythological, linguistic, discursive and intercultural studies. The concept is considered, on the one hand, as a multilayered structure, which is traditionally used to distinguish conceptual, value and image components; on the other hand, the literary concept includes both a universal understanding peculiar to society and an individual author's interpretation conditioned by the worldview, the author's life experience, and the individuality of perception. This article focuses on the Bacchic image of man, which is created through the perception of his actions. The author conventionally divided Bacchic action into three options: the current, usual and one that can be called a habit or characteristic of a person. The current action is connected with the time line, refers to the present, future or past, in some cases, the Bacchic action is the background picture and fits into a number of characteristics of the person, in others it opens a number of dynamic narrative characterizing the situation of the feast. The usual action covers a wider time range is either a kind of routine, or explaining the sign of the hero's behavior. When describing habits/characteristics of the character as a whole, either a negative image is created with an explication of his weaknesses (this is, as a rule, a tendency to alcohol), or a positive image with an emphasis on the rejection of alcohol and a conscientious attitude to work. In some cases, the attitude to alcohol may be nationally or professionally marked. The author comes to the conclusion that the created image of Bacchic man, his literary interpretation is due to the author's idiostyle.

Keywords: B. Akunin; literary concept; idiostyle; wine drinking; Bacchic discourse; stereotype; national character; language worldview; drinking culture

REFERENCES

1. Toporov V.N. (1992). Op'yanyayushchiy napitok // Mify narodov mira. Ehntsiklopediya v dvukh tomakh. Tom 2 (K–Ya). [*An intoxicating drink // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in two volumes. Volume 2 (K–Ya).*] Moscow: Soviet Encyclopedia, pp. 256–258.
2. Ivanov V.V. (1991). Vino // Mify narodov mira. Ehntsiklopediya v dvukh tomakh. Tom 1 (A–K). [*Wine // Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in two volumes. Volume 1 (A–K).*] Moscow: Soviet Encyclopedia, pp. 236–237.
3. Dimitrieva O.A. (2019). Traditions of the Russian feast: verbs denoting ritualized bacchic actions. *Scientific dialogue*, 3, pp. 54–68 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-54-68.
4. Tolstoy N.I. (1995). Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i ehtnolingvistike. [*Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics.*] Moscow: Indrik, p. 512.
5. Levontina I.B., Shmelev A.D. (2002). Leksika nachala i kontsa trapezy v russkom yazyke // Logicheskiy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa. Ed. by N.D.

- Arutyunova. [Vocabulary of the beginning and end of a meal in the Russian language // Logical analysis of the language. The semantics of the beginning and the end.] Moscow: Indrik, pp. 573–583.
6. Chirich I.V. (2004). Leksika zastol'ya v russkoy yazykovoy kartine mira. [Feast vocabulary in the Russian language picture of the world.] Moscow, p. 20.
 7. Khimik V.V. (2000). Poehtika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyy fenomen. [Poetics of low, or vernacular as a cultural phenomenon.] Saint Petersburg: Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, p. 272.
 8. Dolgova E.Yu. (2009). Leksika i frazeologiya, svyazannaya so sferoy upotrebleniya spirtnykh napitkov, v russkom yazyke. [Vocabulary and phraseology related to the field of alcohol consumption in Russian.] Samara, p. 22.
 9. Ustinova N.A. (2011). Dialect conceptualization of foreign languages through the prism of one of the elements of the food code. *Language and Culture*, 4, pp. 69–77 (in Russian).
 10. Belyakova S.M. (2016). Ehsteticheskoe osvoenie sfery «Alkogol'» v russkikh narodnykh govorakh // Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyk. [Aesthetic development of the "Alcohol" sphere in Russian dialects // New Russia: Traditions and Innovations in Language and Language Science.] Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist, pp. 244–253.
 11. Koz'ko N.A. (2006). Kontseptosfera «spirtnye napitki» v natsional'noy yazykovoy kartine mira. [The conceptosphere "alcoholic beverages" in the national linguistic picture of the world.] Chelyabinsk, p. 24.
 12. Yurina E.A. (2018). Conceptual metaphor of fluid absorption in the food code of Russian linguistic culture. *Russian studies*, 4(16), pp. 428–450 (in Russian).
 13. Dimitrieva O.A. (2016). Glagoly kharakterizovannykh sposobov deystviya s semantikoy «est'» i «pit'» v russkoy yazykovoy kartine mira. [Verbs of characterized modes of action with the semantics of "eat" and "drink" in the Russian language picture of the world.] Kazan, p. 22.
 14. Tarasenko T.V. (2013). The semantic situation as an object of study. *Language and social dynamics*, 13–1, pp. 124–132 (in Russian).
 15. Stepanov Yu.S. (2004). Vodka i p'yanstvo // Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. – Izdanie 3-e. [Vodka and drunkenness // Constants: Dictionary of Russian culture. – 3rd edition.] Moscow: Academic Project, pp. 317–339.
 16. Glushkova T.S. (2009). Vinopitie. Antologiya kontseptov. – Tom 7. Ed. by V.I. Karasika, I.A. Sternina. [Wine drinking. Anthology of concepts. – Volume 7.] Volgograd: Paradigm, pp. 234–244.
 17. Boychenko A.G. (2009). Pitie. Antologiya kontseptov. – Tom 7. Ed. by V.I. Karasika, I.A. Sternina. [Drinking. Anthology of concepts. – Volume 7.] Volgograd: Paradigm, pp. 223–234.
 18. Kupchik E.V. (2017). Vino v russkikh poehticheskikh tekstakh: metaforicheskie modeli. [Wine in Russian poetic texts: metaphorical models.] Saint Petersburg: Leningrad State University A.S. Pushkin, pp. 342–351.
 19. Zykhevskaya N.L. (2015). Olfactory component of the concept of “wine” in the Russian prose tradition. *Chelyabinsk Humanitarian*, 2(31), pp. 61–69 (in Russian).

20. Dimitrieva O.A. (2018). “The Poetics of Drunkenness” in the mass literature (on the example of the ironic detective Daria Dontsova). *Scientific dialogue*, 11, pp. 22–36 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36.
21. Olyanich A.V. (2015). Bacchic discourse. *Diskurs-Pi*, 2, pp. 155–157 (in Russian).
22. Reymer Yu.V. (2017). Lingvosemiotika vakkhicheskoy kul'tury v russkom i nemetskom yazykakh. [*Linguosemiotics of Bacchic culture in Russian and German.*] Volgograd, p. 21.
23. Koz'ko N.A., Pozhidaeva E.V. (2012). Modern British restaurant discourse: linguistic culture of food and drink. *Bulletin of the Leningrad State University A.S. Pushkin*, 4, pp. 166–175 (in Russian).
24. Katermina V.V., Prima A.M. (2017). Gendernyy vakkhicheskiy diskurs (na materiale rasskaza «Zhenshchina s tochki zreniya p'yanitsy» A.P. Chekhova). Ed. by K.R. Galiullina, E.A. Gorobets, D.A. Mart'yanova, G.A. Nikolaeva. [*Gender Bacchic Discourse (based on the story “A Woman from the Point of View of a Drunkard” by A.P. Chekhov).*] Kazan: Publishing house of Kazan University, pp. 144–146.
25. Ter-Minasova S.G. (2008). Voyna i mir yazykov i kul'tur. [*War and the world of languages and cultures.*] Moscow: Word, p. 334.
26. Pavlovskiy I.V. (2015). Traditsii pitiya v russkoy i nerusskoy kul'turakh // Eda i kul'tura. [*Drinking traditions in Russian and non-Russian cultures // Food and Culture.*] Moscow: Center for the Study of the Interaction of Cultures, pp. 233–243.
27. Ma Yan'li, Slyshkin G.G. (2009). Table ritual in modern Chinese and Russian urban culture. *Sociology of the city*, 2, pp. 10–20 (in Russian).
28. Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language V.V. Vinogradova (2005). Russkaya grammatika: nauchnye trudy. [*Russian grammar: scientific papers.*] Moscow: Science, p. 784.